

18+

Сергей Анатольевич
Доброеутро

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ ОДНОГО
ИЗ ТРЁХ**

Сергей Доброеутро

**Автобиографические
истории одного из трёх**

«Издательские решения»

Доброеутро С. А.

Автобиографические истории одного из трёх /
С. А. Доброеутро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981389-3

Случалось ли тебе гулять на краю пропасти? А ведь именно с этого места открывается вид на новую жизнь, или начинается путь в другую жизнь, или происходит возвращение в прежнюю жизнь. Какой из этих вариантов выбрать? Не приведет ли он в итоге обратно на край пропасти? А если всё свести к абсурду? Тогда мыслей после прогулки по краю пропасти станет гораздо больше. Их станет ровно столько, сколько вариантов смысла этой книги ты найдёшь, прочитав её.

ISBN 978-5-44-981389-3

© Доброеутро С. А.
© Издательские решения

Содержание

История первая	6
О том, как всё начиналось	6
История вторая	11
О том, как я был композитором и поэтом	11
История третья	15
О том, что и как я узнал о семье Больше	15
История четвертая	19
О том, как я к гадалке ходил	19
История пятая	23
О том, как проходила моя первая пресс-конференция	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Автобиографические истории одного из трёх

Сергей Анатольевич Доброеутро

*Записаны Джоном Ивановым,
публикуются в редакции
Сергея Анатольевича Доброеутро*

*Иллюстратор Сергей Репьев
Корректор Людмила Терменева*

© Сергей Анатольевич Доброеутро, 2025

© Сергей Репьев, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-4498-1389-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая

О том, как всё начиналось

В тот день я, как обычно, гулял на краю пропасти. Какой же это был день недели? Кажется, пятница. Точно, пятница! Обыкновенная и вполне логичная. Именно в тот день я и встретил её. Помню, ни с того ни с сего подумал, что Нибольше Нименьше представляться ей не стоит. И, пока я ни с сего ни с того думал, она спросила:

– Как тебя зовут?

– Просто Вася, – ответил я и слегка покраснел. Как нашкодивший мальчишка, попытался спрятать глаза, которые совсем не умеют врать. Моё поведение она поняла иначе.

– Не смущайся, – сказала она, – вполне нормальные фамилия и имя. Просто Вася. Мне, например, очень нравится. Я бы даже замуж за тебя вышла, чтобы тоже носить фамилию Просто. Не сейчас, конечно. Когда узнаю тебя поближе. Минут через двадцать. Вижу, вижу, хочешь, чтобы я назвалась.

– Да, – промямлил я.

– Изволь, Мнебынеперечитьтебе Больше. Да, не удивляйся. Моя фамилия Больше. Согласись, что Мнебынеперечитьтебе Просто звучит гораздо приятнее. А?

– Наверное... приятнее... – запинаясь, ответил я, а в воображении бил себя по голове огромными чужими кулаками и думал: «Дурак. Во дурак. Что я наделал? Как же я теперь представлюсь ей своим именем?»

Я стоял и краснел, покрываясь сначала белыми пятнами, потом снова красными. Впрочем, это мне лишь казалось. Большого зеркала, в котором я смог бы разглядеть цвет своего лица, на краю пропасти не было. Моё богатое воображение рисовало мне картину будущего. ЗАГС. Женщина за столом что-то записывает в амбарную книгу. Поднимает глаза и спрашивает: «Мнебынеперечитьтебе, вы будете оставлять свою фамилию Больше или брать фамилию мужа Нименьше?» И пауза.

Мои фантазии прервал её голос:

– Что-то у тебя глаза закружились... Это опасно. А что, собственно, ты делаешь возле обрыва?

– Ничего, – очнулся я от своих видений. – Как обычно, гуляю по краю пропасти.

– Зачем?

– Странный вопрос. Чтобы сполна насладиться жизнью. А ты разве не для этого здесь?

– Нет. Я здесь работаю.

– Где это, здесь?

– Здесь! Где такие, как ты, пытаются балансировать на краю.

– Ясно, – вздохнул я обречённо, а про себя подумал: «Ну, соврал и соврал. Зато хоть на работу не сообщат, чем я занимаюсь в свободное время».

– Ошибаешься! – сказала она, а в моей голове пронеслось: «Неужели она умеет читать чужие мысли? Вот влип». Между тем девушка продолжала: – Ничего тебе пока не ясно. Пройдёт ещё минут десять, прежде чем ты начнёшь хоть что-то для себя понимать.

Я в уме точно просчитал: «Разговариваем уже минуты полторы. Через десять минут начну что-то понимать, а ещё через восемь с половиной минут Мнебынеперечитьтебе станет моей женой». Прodelав такие вычисления, я сообщил ей:

– А у тебя осталось всего восемнадцать с половиной минут... даже меньше... до момента, когда ты станешь не Просто, а Нименьше.

– Вот ты чего боишься? С холостяцкой жизнью расстаться? Эх ты, Вася...

Если бы она только могла себе представить, до какой степени я был не Вася. К тому же суть моей последней фразы она уловила лишь до второй запятой.

Времени до нашей свадьбы оставалось всё меньше и меньше, а понимания хоть чего-нибудь не приходило, не наступало и не начиналось. Я решил, что для хоть какого-нибудь понимания чего-то нужно получить побольше информации о Мнебынеперечитьтебе. И спросил загадочно-любопытствующим тоном:

– А кем ты работаешь на краю пропасти?

– Всем, – ответила она, но, должен признаться, понимания её ответ не прибавил. Впрочем, я не унимался: – Вот сейчас в какой ты должности?

– Ещё несколько минут побуду знакомителем, потом объяснителем и по совместительству наблюдателем, а потом всё будет зависеть от тебя. Либо невестой, либо покинутой возле самого обрыва.

– Что-то я таких должностей ни в одном штатном расписании не встречал.

– Это потому, что организация ваша не доросла еще.

– До чего не доросла?

– До края пропасти, Вася.

– Ну, это и хорошо, – вздохнул я облегчённо. Да, именно облегчённо, потому что до этого как-то весь напрягся. Я посмотрел на Мнебынеперечитьтебе, и в голове моей пронеслась мысль о том, что мне уже хочется на ней жениться. И следом пробежала другая. О том, что десять минут ещё не прошло. Третья мысль остановила мои размышления на себе. «Быстрее! Мало информации для понимания», – так она самостоятельно сформулировалась. Резко, но понятно. Я продолжил разговор:

– Чего ж тут хорошего?

– Вася, ты меня удивляешь. Ты гуляешь на краю пропасти, чтобы почувствовать жизнь, и задаёшь такой вопрос?

– Да, задаю! Жизнь – это жизнь, а работа – это работа. И нечего ей здесь делать. А то на что я жить буду?

– Да-а, – протянула она. – Скоро я точно стану твоей невестой. Раз ты не понимаешь простых вещей, то должен понять хотя бы это.

– Знаешь что? – уже разгорячился я, но, потрогав свой лоб, определил, что температура тела осталась прежней. Это обстоятельство охладило меня, и я говорил уже совершенно спокойно: – Женитьба для меня – это очень серьёзный шаг.

Я сделал паузу и зачем-то взял её под руку. Сквозь раздумья о том, что буду говорить дальше, услышал её нежный голос:

– Значит, мне повезёт с моим мужем. Ты это хотел сказать?

– Конечно. И откуда женщины знают всё наперёд? Больше не перебивай меня, пожалуйста.

– Прости, Просто. Ты хотел сказать что-то важное?

«Надо признаваться в обмане», – подумал я, но заговорил совсем о другом:

– Видишь ли, в жизни каждого мужчины наступает такой момент...

– Что-то знакомое! Это из какого-то кинофильма, верно?

– Нет, это у меня в душе. Мнебынеперечитьтебе, я же просил тебя не перебивать. Что я могу поделать, если все слова, которые я хочу тебе сказать, уже где-то звучали: в кинофильмах, в мультфильмах, в книгах? Вон сколько их позаснято, понарисовано, понаписано, а ты хочешь, чтобы я придумал что-то новое.

– Хочу. И каждая девушка этого хочет. Это ты тоже должен понять. Кстати, до понимания хоть чего-то всё меньше и меньше времени. Говори быстрее то, что должен сказать. Говори главное.

Я снова потрогал свой лоб в нелепой попытке успокоиться. Попытка хоть и была нелепой, но удалась. И если сначала я хотел что-то возразить по поводу слова «должен», потом по поводу слова «быстрее», то, успокоившись, возражать не стал. Говорить начал совсем другие слова:

– Я хочу понять главное, прежде чем о нём сказать. Но чтобы его понять, я хочу узнать тебя ближе.

– Как же ты не поймёшь, что самое главное ты обо мне узнаешь, когда о нём скажешь? На краю пропасти время летит быстро. Не теряй времени. Разве ты не видишь, как все лишние слова срываются в пропасть?

– Почему ты всё время права?

– Потому что ты говоришь не то, о чём думаешь.

– Но... я пытаюсь понять.

– Ты всё уже понял. И не смотри на часы, – она одёрнула мою руку и, глядя в глаза, сказала: – Ты всё понял уже в первую секунду нашей встречи. А всё то время, что длится наше случайное, но судьбоносное свидание, ты пытаешься сомневаться в своём решении. Даже на краю пропасти ты пытаешься сомневаться. Ты запутываешься в словах, которые ничего не значат. Я смогла тебе объяснить?

– Я должен сам!

– Конечно. Помолчим три минуты, которые у тебя остались до понимания хоть чего-то.

И в следующие три минуты в моей голове не возникло ни одной мысли...

– Ладно. Раз уж я ни о чём больше думать не могу, выходи за меня замуж.

Она обрадовалась. Подскочила ко мне, обняла, поцеловала. Мы закачались и чуть не сорвались в пропасть. Я почувствовал себя счастливым. Счастливым, потому что живу.

– Я так долго этого ждала, – сказала она. – Ждала целую вечность, целых десять минут. Я согласна.

– Но я должен признаться тебе в обмане.

– Как? – неподдельно удивилась она. – За это короткое время ты уже успел меня обмануть?

– Пойми, это произошло случайно.

– Надо же, с самого начала нашей счастливой совместной жизни ты меня начал обманывать. Мне уже хочется плакать, несмотря на всю радость, которую ты мне подарил.

– Я не Просто Вася!

– А кто же ты?

– Я Нибольше Нименьше. Да. Так меня зовут.

– Но я не хочу быть Мнебынеперечитьтебе Нименьше. Хотя... тебя уже поближе узнала и влюбилась. Что же делать?

– Теперь не знаю.

– Кажется, история повторяется.

– Какая история?

– Не важно. Скажи, а ты очень расстроишься, если я не буду менять фамилию?

– Нет, потому что я знал, что моя фамилия неблагозвучная и девушка, которая...

– Чушь! Ты всё поймёшь через некоторое время! К тому же наши дети будут носить твою фамилию через одну.

– Через одного? – уточнил я.

– Нет, именно через одну. Мальчики – твою фамилию, а девочки – мою. Договорились? Я молчал.

– Это хорошо, что договорились. Пойдём. Мне пора познакомить тебя с отцом. Он как раз сейчас гуляет.

– Тоже по краю пропасти?

– Ну что ты! Он уже вышел из этого возраста. И сейчас прогуливается по дороге, которая всё время идёт вверх.

Она взяла меня за руку и увела за собой. Увела с края пропасти. Петляющей тропой вывела меня на дорогу, которая всё время идёт вверх. Собственно, как и обещала.

Мы о чём-то говорили в пути. О чём? Этого я уже не помню. Наверное, потому, что не слышал её слов. Да и на свои не обращал никакого внимания. Потому что думал. О чём? Тоже не помню...

Отец Мнебынеперечитьтебе встретил нас на дороге, которая всё время идёт вверх, не слишком радостно. Едва мы подошли к нему, он, не обращая на меня ни малейшего внимания, обратился к дочери:

– Это с ним я вас должен благословить?

– А чем я вас, собственно, не устраиваю? – возмутился я. – Мы с вами даже и не познакомились-то ещё.

– Я, между прочим, не к вам обращался! – парировал отец невесты. – Нечего в чужие разговоры вмешиваться.

– Папа, папа, не надо так резко, – вмешалась в разговор Мнебынеперечитьтебе. – Вот увидишь, он тебе понравится.

– Мне? – отозвался папа. – Я его ненавижу с тех пор, как ты родилась. Он же разлучит меня с тобой, мерзавец.

– Ну, это уже слишком, знаете ли... – вновь возмутился я, но продолжить свою пламенную речь не смог. Отец Мнебынеперечитьтебе уже на повышенных тонах продолжал:

– Смотри, опять подслушивает и перебивает, негодяй. Так вот, я его ненавижу с самого твоего рождения. Но ты знаешь, что выбрала его себе сама. А раз так, то я готов полюбить его всей душой. Давай уже, знакомь нас.

– Познакомься, папа, – официальным тоном произнесла Мнебынеперечитьтебе, а папа протянул мне ладонь для рукопожатия, – это мой жених. Его зовут Нибольше Нименьше.

– Нибольше Нименьше, – повторил я, пожимая руку будущему тестю.

– Познакомься, дорогой. Это мой папа. Его зовут Чтохитрее Чтоумнее.

– Да. Именно так, – произнёс Чтохитрее, радушно и радужно улыбаясь, сотрясая мою руку. – Очень рад. Очень, очень рад знакомству с вами, уважаемый Нибольше Нименьше.

– Вот видишь, папа, какой он милый, не так ли? – с вопросительной интонацией сказала Мнебынеперечитьтебе.

– Да, он просто прелесть. Всю свою жизнь я мечтал о таком зяте. Надо бы нам с вами всё подготовить к свадьбе, любимый зятёк.

– Вы думаете, стоит обсуждать это прямо на дороге? – необдуманно спросил я.

– Конечно. Ведь это дорога, которая всё время идёт вверх. Именно на ней нужно принимать самые важные решения в жизни. Обратный путь невозможен. Он есть, но невозможен. Он называется дорогой, которая всё время ведёт вниз. Поэтому всё будем решать здесь, а домой пойдём только чайку попить.

Я не мог не согласиться с Чтохитрее Чтоумнее. В течение трёх минут мы обговорили технические вопросы предстоящего мероприятия. Свадьба была назначена в тот же день, когда стемнеет. Какой же это был день недели? А, ну да. Обыкновенная, вполне логичная пятница.

Сейчас я вспоминаю те минуты с особой нежностью, особенной теплотой и описываю его самыми прекрасными эпитетами ныне состоявшегося семейного счастья. Так мы познакомились. Так мы поженились. Больше и Нименьше. Или Нименьше и Больше? Какая разница, если мы до сих пор вместе?

Подумать только, прошло двадцать минут – и я женился. Только представьте себе, восемь минут назад я стоял на краю пропасти, а теперь передо мной простиралась дорога, которая всё время идёт вверх.

История вторая

О том, как я был композитором и поэтом

Припоминаю, как я крепко спал. Спал, даже не осознавая, что сплю. Не снилось ничего, что можно было бы назвать сном. И вдруг сквозь сон, который не снился, я услышал нежный голос жены:

– Вставай, дорогой! Уже утро! Тебе пора писать песню.

«Кажется, что-то начинает сниться», – подумал я и мысленно удивился: «Какой странный сон!»

Мнебынеперечитьтебе начала меня трясти и будить. Уже не совсем нежным голосом:

– Вставай, а то не успеешь написать песню! Уже шесть утра! Пора писать!

Я вскочил, ничего не понимая, и сквозь бредово-невывавшееся состояние кое-как сформулировал вопрос:

– Какие песни по субботам?

– Вот именно! По субботам! – похоже, Мнебынеперечитьтебе пыталась объяснить простые и очевидные истины. – Ты вошёл в нашу семью, Больше. Значит, должен соблюдать наши традиции. Сегодня первая суббота нашей совместной жизни, и тебе полагается написать своей жене песню.

– Что я, композитор, что ли, по субботам песни писать?

– Композитор или не композитор, а писать придётся!

– Слушай, Больше Мнебынеперечитьтебе, я и петь-то не умею, нот не знаю и стихов ни разу в жизни не писал...

– Всё это нелепые отговорки. Вставай, будем соблюдать традицию.

Встал. Кое-как. Умылся. Как смог. Сел завтракать. Без всякого желания что-нибудь есть и понимать. Мнебынеперечитьтебе наливала мне кофе и рассказывала:

– Мой отец тоже не умел ни петь, ни сочинять, но сочинил и спел. Сейчас я тебе спою акапельно.

– Как споёшь? – уточнил я.

– Акапельно, то есть без музыкального сопровождения, только главное, только слова и мелодия. Слушай, Нибольше Нименьше.

И она запела:

– Подумайте только:

Она влюбилась в простого суслика!

Она – королева красоты среди сусликов.

О-о, яхим-яхим, бутубуту яхим-яхим!

Подумайте только:

Она влюбилась в простого страуса!

Она – королева красоты среди страусов.

О-о, яхим-яхим, бутубуту яхим-яхим!

Подумайте только:

Она влюбилась в простого ёжика!

Она – королева красоты среди ёжиков.

О-о, яхим-яхим, бутубуту яхим-яхим!

Подумайте только:

Больше без памяти влюбилась в Чтоумнее!

Она для Чтоумнее королева красоты!

О-о, Больше лучше всех! Яхим-яхим!

О-о, Больше лучше всех! Яхим-яхим!

Закончив петь а капелла, она спросила:

– Ну как?

Я сделал глоток кофе. Подавился. Поперхнулся. И сказал:

– Гениально.

Она улыбнулась:

– Уверена, ты напишешь лучше. Не зря я тебя разбудила, чтобы у тебя было больше времени для творчества. Правда?

– Правда. Скажи, а что там было такое «яхим», «бутабута»?

– Бутубуту, – поправила Мнебынеперечитьтебе, – это самое главное в песне. Никто не понимает этих слов, кроме автора, но в них живёт вся его животворящая энергия, вся его любовь к молодой жене. Эту песню отец до сих пор поёт маме, когда они встречаются. А как тебе общий смысл песни?

– Наверное, я ещё не понял всей глубины этого произведения. Суслики, страусы, кто там ещё?

– Ёжики, любимый. Да, глубина действительно поражает. Представляешь, у всех своя королева красоты, а у папы – своя. Это моя мама.

– Кстати, а где она? Что значит «когда встречаются»?

– Это отдельная история. Сейчас на неё нет времени. Допивай кофе – и за работу. А я уйду пока.

– Куда?

– Не куда, а зачем.

– Ну, зачем? – поправил вопрос я.

– Я уйду зачем-то. То есть уйду, как будто мне зачем-то надо уйти. Понятно? А когда я вернусь, ты споешь мне свою первосубботнюю песню.

У меня на лице, видимо, отразилось такое количество эмоций, что Мнебынеперечитьтебе решила поставить последнюю точку в моём задании на весь сегодняшний день. Она сказала:

– Не волнуйся. Я приду не скоро!

И я ушёл в традицию с головой. Оставлю все свои эмоции в покое, хотя они повлияли на результат моего творчества, и сконцентрируюсь на рассказе о самом творческом процессе. Первые две строчки я написал довольно легко и быстро:

Мне бы не перечить тебе, Мнебынеперечитьтебе.

Мне бы любить тебя, Мнебынеперечитьтебе...

Дальше вдохновение кончилось, толком ещё не начавшись. Я вспомнил старые художественные фильмы, в которых показывались разные гении. Они прежде, чем выдать что-то гениальное, начинали ходить по комнате из угла в угол. Меня осенило так, что аж подбросило и подкинуло. Я вскочил с дивана и стал мотаться из одного угла в другой. Мотался минут пятнадцать. Гениальность во мне не просыпалась. Я решил, что всё дело в углах и сменил диагональ. И вот творческий процесс приобрёл совершенно иное направление. Я придумал первую

версию самого главного, по словам моей супруги, в песне. Это главное звучало задорно, весело и на первый взгляд нестандартно: «Трали-Вали, Гав-Гав».

Воодушевлённый своим первым творческим успехом, я отправился выпить чашечку кофе. Выпил. Вновь вернувшись к созданию нерукотворного памятника семье Больше, я понял, что первый успех на самом-то деле является первым провалом. И тогда я начал усердно работать над главной строчкой. И это было правильно. В дальнейшем я не раз убеждался в том, что всегда нужно начинать с главного.

Первым делом я изменил «гав-гав», что отдалённо напоминало собачий лай. Получилось «глав-глав». Это уже производило впечатление, чего-то главного не только по сути, но и по содержанию. Затем я убрал второе «глав». Это показалось мне осмысленным. Главное – оно и есть главное. Нечего ему пытаться быть главнее главного.

Далее я начал размышлять над «трали-вали». Серо, избито. Много раз использовано. Просто-таки литературный штамп. Новая идея не заставила себя долго ждать – «тили-мили». Это звучало свежее, но в то же время традиционнее. Добавив к этому «били», я понял, что наконец-то достиг результата. Теперь главная строка песни приобрела свою окончательную форму: «Тили-мили-били, Глав!»

После ещё одной чашки кофе (просто невыносимо, сколько кофе в день выпивают простые гении, это же вредно!) я приступил к созданию всего текста первосубботней песни. Первый куплет был закончен быстро:

Мне бы не перечить тебе, Мнебынеперечитьтебе,
Мне бы любить тебя, Мнебынеперечитьтебе.
Больше всех, Больше, я люблю тебя!
Тили-мили-били Глав!

После написания первого куплета я прилёг на пять минут и проспал три часа. И приснилась мне белая лошадь, которая то ли несёт меня в пропасть, то ли уносит под облака. И спрашиваю я лошадь подо мной: «Куда ты несёшь, куда ты уносишь меня?» Приснится же такое... И отвечает мне лошадь: «Какая разница, если ты не успеешь написать первосубботнюю песню к приходу своей супруги?» Я проснулся весь в холодном поту. Видимо, когда засыпал, было тепло и светло, а когда просыпался, становилось темно и холодно. Так объяснял я своё состояние, потому что не говорящей же белой лошади я испугался в конце концов.

Однако рука моя судорожно схватилась за ручку так, как великие поэты второй половины восемнадцатого века – первой половины девятнадцатого хватались за перо. Вторая рука в порыве безудержного вдохновения пододвинула к себе тетрадь в клеточку. И творческий порыв, сметая всё на своём пути, вылился из меня. Я обессилел. Но вскоре взял себя в руки, чтобы пересчитать количество написанных куплетов. Их было много. Пришлось выбирать лучшее из лучшего, потому что всё написанное было лучшим. Тяжёлый труд утомил меня, и я запел. И как-то сами собой на мотив легли только три куплета и апофеоз.

И тут в дверь вошла она, прекрасная, как обычно.

– Вижу по твоему лицу, – сказала она с порога, – тебе это удалось!

А затем вопросительно:

– Тебе это удалось?

Вместо ответа я запел:

– Мне бы не перечить тебе, Мнебынеперечитьтебе,
Мне бы любить тебя, Мнебынеперечитьтебе.
Больше всех, Больше, я уже люблю тебя!

Тили-мили-били Глав!

Мне бы всю жизнь с тобою, Мнебынеперечитьтебе,
Прожить, как в раю, и мне бы не перечить тебе.
Больше всех я буду всегда любить тебя!
Тили-мили-били Глав!

Мне бы носить тебя на руках, Мнебынеперечитьтебе,
Мне бы ловить каждое твоё дыхание, каждый взгляд!
Больше всех, Больше, я всегда любил тебя!
Тили-мили-били Глав!

Что нам время?
Оно ничто!
Что пространство?
Оно ничто!
Ни меньше и Больше любят друг друга всегда, но сейчас!
Тили-мили-били Глав!
Тили-мили-били Глав!

Я закончил петь. Молчание. Осознание. Больше бросилась ко мне на шею:
– Любимый! – сказала она ... (здесь стоит многоточие, потому что не существует слов, которые способны описать её реакцию). – Ты у меня самый-самый. Я буду любить тебя и сейчас, и всегда, как сейчас.

Должен признаться, Мнебынеперечитьтебе сдержала своё обещание, сделанное, как оказалось, по традиции, после прослушивания первосубботней песни.

Эта песня единственная у меня, первая и последняя. Как и та любовь, которая живёт в нашей семье и не угасает ни на мгновение.

Сейчас, уже в будущем, вспоминая прошлое, я думаю, много ли семей, даже счастливых, имеют свою первосубботнюю песню. Впрочем, о чём здесь думать? Такую песню написать никогда не поздно.

История третья

О том, что и как я узнал о семье Больше

С самой нашей свадьбы, с первого дня знакомства, что, по сути, одно и то же, я начал приставать к своей жене. Каждый день. Я просил её рассказать о своей семье. Она отвечала уклончиво.

– Ещё не время, – так говорила Мнебынеперечитьтебе.

Я уже начал успокаиваться. Ну, действительно, чего нервничать? Не время – так не время. Больше виднее. И вот оно наступило, время рассказа.

– Дорогой! – начала Мнебынеперечитьтебе и сделала паузу, которую нарушать не стоило по причине многозначительности момента.

– Любимый! – усилила она интригу и снова сделала паузу, в два раза многозначительнее первой, но в три раза короче. В дальнейшем я не раз убеждался, что многозначительность паузы напрямую не зависит от её продолжительности, и наоборот. Иногда самая глупая пауза тянется годами, а самая значимая – не более секунды. В тот момент рассуждать на эту тему я не мог, потому что внимательно слушал.

– Сегодня десятый день нашей совместной жизни, – после паузы, о которой всё уже сказано, начала свою речь Мнебынеперечитьтебе. Говорила Больше не останавливаясь. Речь её лилась, как... Оставляю сравнения, чтобы передать сказанные слова так, как они звучали из уст самой Мнебынеперечитьтебе:

– За это время мы смогли узнать друг друга достаточно, чтобы я рассказала тебе историю своей семьи. Моя мама познакомилась с папой, когда он находился на пике славы. Она тогда работала, спасая тех, кто на него забрался, а спуститься не мог. Не знаю, скольких она спасла до папы, но папу спасла точно. Мой папа был очень известным человеком, но не под именем Чтохитрее Чтоумнее, а под псевдонимом Хочешьчтобы Вечно. Он вёл какую-то супермодную передачу на телевидении, о которой давно никто не вспоминает. Мама полюбила его ещё задолго до того, как увидела на пике славы. Трудно сказать, за что именно, но его фамилия Вечно ей очень нравилась. Кто же знал, что это лишь псевдоним ведущего? Мама мечтала носить его фамилию. Представляешь, как бы тогда звучало Мнебылюбитьтебя Вечно? Но он признался ей, что Хочешьчтобы Вечно – не его настоящее имя. Разлюбить мама папу уже не смогла, ведь не в фамилии дело, и вышла за него замуж, но так и осталась на всю жизнь Мнебылюбитьтебя Больше. Потом они договорились, что все мальчики, которые у них появятся на свет, будут носить фамилию отца, а девочки – фамилию Больше. Теперь ты понимаешь, что история повторяется?

– Повторяется, но иначе? – ответил я вопросом на её вопрос.

– Иначе, но повторяется! – подытожила она и продолжила рассказ: – Первое свидание Мнебылюбитьтебя и Чтохитрее было очень романтическим, но трагично сдержанным. Подумай только, что делать человеку, который за счёт средств массовой информации взлетел на пик славы, не зная дороги? По сути, его просто привезли на него с завязанными глазами и оставили там. Ни один нормальный человек такого резкого подъёма не выдержит. И папа не выдержал. Голова закружилась. А телеканал тот взял да и нового ведущего пригласил. Если бы мама к папе на помощь не пришла, скатился бы он с того пика славы кубарем и разбился. Ну, может быть, совсем бы не разбился, но сломался бы точно. Именно мама вывела тогда Чтохитрее Чтоумнее на дорогу, которая всё время идёт вверх. Не сразу, конечно. Сначала она согласилась стать его женой. И они вместе погрузились в океан любви. Кстати, это единственный океан, в который люди могут погружаться без скафандров. Что тебя удивляет?

Я думал, что Мнебынеперечитьтебе так увлеклась своим рассказом, что не замечает ни одного движения на моём лице. Не знаю, то ли я так эмоционально её слушал, то ли Мнебынеперечитьтебе была так наблюдательна, но она разглядела вопрос удивления на моём лице, который я и озвучил:

– Но ведь есть ещё воздушный океан, океан фантазий... Разве для них скафандры нужны?

Она улыбнулась:

– В воздушный океан нельзя погрузиться, можно только взлететь. А погружаясь в океан фантазий, надеваешь скафандр, сам того не замечая. Зато другим он ох как заметен. Ты ещё поймёшь это. Сам. Скоро.

Она остановилась. Заметно было, как она погрузилась в океан воспоминаний. В тот же миг я понял всё, что было сказано про скафандры. Больше продолжала:

– Ну, а дальше из океана любви мама вывела его на дорогу, которая всё время идёт вверх. Папа до сих пор идёт по ней, и я надеюсь, что она никогда не кончится. Мама же спокойно занялась домом, в который всегда хочется возвращаться. На какой бы дороге кто бы ни находился, очень важно знать, что есть у тебя дом, куда всегда хочется возвращаться. Именно таким сделала наш дом моя мама.

Она опять погрузилась в океан воспоминаний. Я не стал дожидаться её возвращения ко мне и спросил:

– А где сейчас твоя мама?

– Она ушла.

– Она бросила вас?

– Как ты мог такое подумать? Она не могла нас бросить. Она всегда с нами. Она очень долго болела, а потом просто ушла из нашей жизни.

Я не до конца понял ответ и решил уточнить:

– Она умерла?

И тут поднялась волна возмущений, вероятно, вполне оправданных:

– У нас в семье не говорят этого слова. Это самое отвратительное слово. Самое глупое. Потому что глупо думать, что ты умер, если тебя просто нет в живых. Ты понимаешь это?

– Извини, – сказал я в тот момент, но понял сказанное Больше значительно позже. – Я просто этого не знал. Но как же ты... однажды сказала «до сих пор, когда они встречаются».

– А что? Разве у папы нет памяти? Или нет воображения? Или нет желания вспомнить маму и встретиться с ней в своём воображении?

Я молчал. Пожалуй, на тот момент это было самым умным, что я мог делать. Мнебынеперечитьтебе успокоилась и стала рассказывать о семье дальше:

– Нас у мамы с папой четверо. Да. У меня ещё две сестры и брат. Я в семье самая младшая. Старшая сестра Ябынесказалатебе Больше познакомилась с молодым человеком в боях за любовь. Она победила в них. Сменила фамилию. Теперь она Ябынесказалатебе Раньше. Они счастливы. Они живут на своём островке семейного счастья. Уже давно. И, кажется, не намерены с него уплыть никогда и ни за что. Её муж Гдеятольконебыл Раньше очень красив. И Ябынесказалатебе беспокоится, что, даже на минуту покинув островок семейного счастья, она снова окажется в боях за любовь.

– И мы никогда не сможем познакомиться с твоей старшей сестрой и её красавцем мужем? – спросил я.

– Сейчас это неизвестно, – ответила Мнебынеперечитьтебе. – Старший брат появился на свет чуть позже Ябынесказалатебе. Ему выпало носить имя Вероятнеевсего Чтоумнее. Он у нас в семье, можно сказать, был единственным продолжателем фамилии отца. Так же, как и я единственная, кто остался с фамилией Больше до сих пор.

– А как же ещё одна сестра? И почему был?

– Подожди! Я ещё не всё рассказала о брате. Папа долго пытался его взять с собой, повести по дороге, которая всё время идёт вверх, но Вероятнеевсего выбрал другой путь. Сначала он просто избегал разговоров с папой, а потом заявил ему, что опыт отца ему не в пример, что опыт отца – это чужой опыт, а ему нужен свой. В конце концов они разругались, и Вероятнеевсего покинул дом, в который всегда хочется возвращаться. Покинул навсегда. Он так думает, что навсегда. На самом деле всё может сложиться как угодно. За несколько дней до нашей встречи с тобой я встретила его на краю пропасти. Он не просто гулял там, как ты, пытаюсь получить острые ощущения. Вероятнеевсего находился на нём и хотел сделать шаг вперёд. Но я качественно выполнила свою работу. К тому же у меня много друзей, которые готовы прийти на помощь. Сейчас он в тупике своих чувств. Надеюсь, скоро найдёт из него выход.

Глаза её хитро сверкнули. Между её слов проскочило: «Я выведу его из тупика». Мнебынеперечитьтебе поняла, что я понял её взгляд, и через это общее понимание ситуации мы перешли к рассказу о средней сестре семьи Больше:

– Её зовут Мнебыудивиться Больше. Она очень милая. Всегда безумно любила папу и во всём подражала ему. Повторяла его жесты, движения, слова. Она стала зеркалом Чтохитрее Чтоумнее. Мы все так и называли её – «папина дочка». Мнебыудивиться не придумала ничего умнее, как в день совершеннолетия изменить фамилию на Чтоумнее. Мало того, она думает, что сможет взлететь на пик славы, не зная на него дороги. Поэтому она участвует во всех конкурсах, во всяких смотрах, считает их лотереями и пытается выиграть. Мужчины её пока не интересуют. Да и вообще ничего не интересует. Папу она уже тоже перестала и слушать, и слышать. Так что живёт Мнебыудивиться Чтоумнее в мире, который она придумала себе сама, и не покидает его. Надеется, верит, живёт. Мы пытались с папой вытащить её из мира, который она придумала себе сама, но стены этого мира оказались настолько прочными, что наши с папой старания оказались бесполезными.

– Как ты думаешь, что дальше будет с ней?

– Думаю, она всё-таки выиграет в каком-нибудь конкурсе, взлетит на пик славы, но, как сложится её жизнь дальше, предугадать не возьмусь.

Мнебынеперечитьтебе закончила рассказ о семье, но я посчитал его неполным и возникшую тишину нарушил вопросом:

– А о себе? Ты совсем ничего не рассказала о себе.

– Разве ты ещё недостаточно меня узнал?

– Я хотел бы узнать, чем ты жила до встречи со мной.

– Особенно ничем. Ждала тебя, как ждут свою вторую половину, как моя мама ждала папу. Я мамина дочка. Это точно. Ты знаешь, я даже рада, что оставила себе её фамилию. Скажу тебе по секрету, папа тоже рад.

– Скажи, Мнебынеперечитьтебе, а ты тоже хочешь вывести меня на дорогу, которая всё время идёт вверх? – спросил я, пытаюсь говорить о нашем будущем как можно тише, аккуратнее. Говорить так, чтобы голосом, чувствами и эмоциями ничего в нём не разрушить.

Больше улыбнулась, посмотрела в пол, затем в потолок, затем мне в глаза и сказала:

– Нет. Ты другой человек. Ты способен сделать то, на что способны немногие.

– Мне, конечно, это приятно и лестно слышать, но всё-таки... При всём своём желании я не смогу вывести тебя на дорогу, которая всё время идёт вверх. Твоя дорога – это череда взлётов и падений.

– Ты что, умеешь гадать?

Она засмеялась:

– Нет. Гадать я не умею. А видеть, пожалуй, что-то вижу. Кстати, а к гадалке мы с тобой обязательно ходим. Тем более что у меня есть тётка, она лучшая гадалка. Ты увидишь.

– Ой, побаиваюсь я гадалок, – настороженно сказал я. – Нагадают чего-нибудь, поверишь в это и пойдёшь, как по колее, ни влево, ни вправо.

– А разве это плохо – иметь свою колею?

– Свою – это когда находишь её сам, а когда её тебе кто-то показывает, то она уже не своя.

– Как ты ошибаешься, – Мнебынеперечитьтебе покачала головой, но перечить не стала.

– Разве я не прав? – упорствовал я.

– И прав, и не прав. Своя дорога – это та, по которой ты идёшь. Всего лишь. Ты поймёшь это чуть позже.

– У меня уже создаётся впечатление, что все вокруг меня умные, а я дурак.

– Оно обманчиво. К тому же вокруг тебя последние десять дней была только я. Вот как я тебя окружила. Надеюсь, что любовью, вниманием и заботой. Правда?

– Правда! – ответил я, но осадок в моей душе какой-то остался, потому я несколько изменил фразу и снова попытался разобраться во внутреннем конфликте. – Такое впечатление, что ты всё обо мне знаешь заранее, но ничего не говоришь мне.

– Я не знаю! Я чувствую. Но то, что чувствую, могу рассказать. Только ты успокойся. Чтобы почувствовать то, что чувствую я, нужно быть спокойным, внимательным и, самое главное, открытым.

Разговор наш прервался на некоторое время. Я ушёл в себя. Мнебынеперечитьтебе заметила это и не стала меня из себя выводить. Я побыл в себе, обругал про себя всё и вся, успокоился и в этот момент почувствовал, как Мнебынеперечитьтебе подошла ко мне сзади и положила руки на плечи. Просто положила на плечи нежные руки. Я почувствовал такое блаженство, такое умиротворение, такую тёплую волну возле самого сердца! Я был более чем спокоен. И был готов ко всему, что сейчас начнёт происходить. Даже землетрясение силой в двадцать баллов из двенадцати возможных по шкале Рихтера (если не ошибаюсь в фамилии, а то я не специалист по землетрясениям) не смогло бы нарушить этот внутренний покой, эту гармонию. Вот когда нужно писать стихи, а не в первую субботу после свадьбы. Впрочем, я не прав. Не прав, потому что сейчас описываю своё прошлое состояние. Тогда я не смог бы написать ничего. Абсолютно ничего! Потому что ни о чём не думал, потому что слушал только свою любовь. Какое это многозначительное слово – «любовь»! Слушал свою любовь – это значит слушал любовь в своём сердце, но это значит, что ещё слушал свою любовь к Больше Мнебынеперечитьтебе. И эти два смысла, две сути любви, соединившись, давали ещё тысячи значений, тысячи определений этому волшебному слову, у которого нет определения. Понятию, которое каждый определяет для себя сам. Чувствами, а не словами.

Сквозь свои ощущения, которые, надеюсь, я смог передать, потому что передавал, как мог, я услышал голос Мнебынеперечитьтебе:

– Ты сможешь создать пространство вокруг себя. Мы будем вместе жить в этом пространстве. Только, прошу, не забывай: я часть этого пространства.

...

На этих словах история о семье Больше и Чтоумнее закончилась.

Нет! Неправильно! Это рассказ о семье закончился, а история продолжается!

История четвертая

О том, как я к гадалке ходил

Настал момент, предопределённый звёздами всех величин, картами всех мастей, кофейной гущей всех сортов кофе. Именно в этот предопределённый момент Мнебынеперечитьтебе вбежала домой и прямо с порога крикнула:

– Нибольше, собирайся скорее, мы едем к тёте!

– К какой тёте? – с какой-то странной интонацией спросил я. Странность интонации заключалась в том, что она объединила в себе много различных эмоций и чувств. Приведу краткий список того, что происходило, чувствовалось и бурлило внутри меня на тот момент. Это – любовь к Мнебынеперечитьтебе, радость от встречи с ней, раздражение от безапелляционности её заявления, любопытство, вызванное её предложением, лень, неразрывно связанная с усталостью, сожаление о фактически несостоявшемся тихом семейном ужине, неудовольствие по поводу недосмотренной телепрограммы, надежда на то, что всё каким-то образом сейчас прояснится.

Ответ Мнебынеперечитьтебе был прост:

– К гадалке. Помнишь, я о ней тебе рассказывала?

– Упоминала – помню, но не рассказывала.

– Это одно и то же. Поэтому собирайся.

Вот оно, волшебство слов «поэтому», «потому что». Если бы просто «собирайся», то я, наверное, и не стал бы собираться. А если нужно собираться «поэтому», тогда какие могли быть разговоры? Не осознавая цели визита к гадалке, я встал с дивана и начал разыскивать одежду. К счастью одежда оказалась на своём месте, в шкафу, а не как обычно – в местах, далёких от шкафа, и потому нашлась быстро.

Одеваясь, я задал Мнебынеперечитьтебе простой и понятный вопрос:

– Зачем мы идём к гадалке?

– По дороге расскажу, сейчас времени нет. Я на сеанс к ней за три дня записывалась. В смысле, тебя записывала. И то потому, что она моя тётя.

– Ну, а мне-то что заранее не сказала?

– Если бы я тебе сказала об этом заранее, то ты начал бы об этом размышлять и пришёл бы к выводу, что тебе это не нужно. А сейчас у тебя нет времени на размышления, поэтому нужно действовать.

Всё правильно. Нужно действовать, потому что думать некогда. Я ещё раз осознал великую силу объяснений причины. «Поэтому»! – и мы вышли из дома навстречу будущему. Точнее, навстречу предполагаемому будущему.

По дороге мы ни о чём, касающемся визита к гадалке, не говорили, потому что не шли по дороге, а бежали по ней, поскольку торопились, чтобы не опоздать. А на бегу что объяснять, что понимать – всё одинаково сложно. Именно поэтому мы поговорить ни о чём не успели. Всё просто и понятно. А то вдруг бы я что-нибудь понял и с той же скоростью отправился домой?

И вот мы подошли к порогу дома гадалки. В этом месте я должен был бы описать, свой трепет или вид её жутковатого ведьминского жилища. Ничего подобного. И вообще, не дом это был вовсе, а офис. Располагался он на первом этаже жилого дома и напоминал рядовую юридическую конторку, но никак ни прибежище сатанинских сил. На входе посетителей встречал лысый маленький охранник. В предбаннике – средненькая и тихенькая на вид секретарша. Секретарша! Именно! Но не секретарь. Потому что последнее для неё звучало бы слишком

гордо. Народу немного, человека три в очереди. Все на стульчиках. Сидят, ждут вызова. Разглядеть я их особо не успел, да и на что мне они? Детей, что ли, с ними крестить?

Мнебынеперечитьтебе провела меня сквозь взгляд секретарши, бросив небрежно:

– Мы по записи.

– Да, конечно, проходите, – буркнула в ответ та. Дверь в кабинет гадалки распахнулась под лёгким движением моей благоверной. За спиной возник какой-то шум, который быстро затих после громогласного, перечёркивающего ранее прозвучавший эпитет «тихенькая», «всё-определяющего» и «всёпрекращающего» голоса секретарши:

– У них назначено!

Мы вошли.

И что я увидел? Ничего особенного. Кабинет как кабинет. Стол, кресло, стул для посетителя и диванчик, не знаю для кого. Тётя моей жены, а стало быть, уже и моя тоже, была похожа скорее на риелтора-махинатора, чем на гадалку. Такая вся подтянутая, в деловом костюме. Ну просто бери выше – депутат Верховного Совета.

– Нечего обо мне всякую чушь думать! Здравствуй! – волевым голосом произнесла наша тётя и жестом указала мне на посетительский стул.

Я послушно присел. Подумал: «Ого!» И сказал:

– Здравствуйте, – отчётливо выговаривая каждый слог.

– Здравствуй, тётя! – сказала Мнебынеперечитьтебе и по-свойски села на диванчик. – Познакомься, мой муж Нибольше Нименьше.

Тётя с улыбающимся чувством собственного достоинства кивнула мне головой так, что движение головы я заметил, а движения её важности и достоинства нет. Похоже, последние оставались в момент приветствия без движения.

Мнебынеперечитьтебе обратилась ко мне:

– Дорогой, это и есть моя тётя. Зовут её Еслинепросто Тосозначением. Она выдающаяся...

– Ладно, уж не расхваливай, свои всё-таки, – перебила Еслинепросто и обратилась ко мне: – Ну-с, молодой человек, что бы вы хотели о себе узнать?

– Да, собственно, ничего. Потому что что-то я о себе знаю и так, а что-то мне моя жена рассказывает.

– О! Дорогой Нибольше Нименьше, тут ты заблуждаешься. Ты о себе ещё ничего не знаешь! Ты даже ничего не знаешь о своём завтра. Так?

– Придёт завтра и узнаю.

– О-о, молодой человек, так ты бесполезно растратишь свои годы. Ничего, что я тыкаю? А то, знаешь ли, влезать в чужое будущее на вы крайне неудобно.

– А туда надо влезать? – странный для тёти вопрос задал я.

– Обязательно. Как ты предпочитаешь – посредством карт, через линии на руке, или каким-то иным способом?

– А в чём разница?

– Для меня ни в чём. А для тебя имеет значение. Чему ты поверишь больше?

– Мне кажется, ничему!

– «Ничему» прозвучало убедительно, а кажется – означает, что ты сомневаешься в своём убеждении. Это и хорошо. Ты не поверишь мне сразу. Но сможешь задуматься позднее об услышанном и всё-таки обернешь мои слова в пользу для себя.

Я не стал тогда обсуждать сказанное, а вернулся к изначальному вопросу:

– Мне абсолютно всё равно, на чём вы будете мне гадать.

– Заявляя так, ты отдаёшь выбор мне. Мой тебе совет до начала сеанса: не отдавай никому свой выбор, даже если он незначителен. А теперь – вперёд, в будущее!

Из ящика стола тётя достала колоду карт. Попросила меня поднять, что я и сделал левой рукой к сердцу. Еслинепросто немного прищурила глаза и то ли мне, то ли картам проговорила:

– На всю жизнь гадаю,
Всю жизнь узнаю,
Холодно и горячо,
Махну через плечо.
От сердца к миру,
От мира на стол!

С этими словами она быстрыми движениями раскинула карты по столу и внимательно всмотрелась в них. Не знаю почему, но я воспринимал происходящее как шоу. Впрочем, выглядел вполне серьёзно, а ко всему, что происходило, относился не более чем с простым любопытством.

– Ну-с, молодой человек, на тебя одно удовольствие гадать. Жизнь твоя сложится замечательно, но не без трудностей, которые ты сможешь преодолеть. Твоя жена всю жизнь будет тебе поддержкой. Добьёшься ты многого, но сил придётся приложить немало. Здоровье у тебя крепкое. Сила воли есть. Поэтому успех твой не минует тебя.

Тётя на минуту остановилась, посмотрела на меня, а я прокомментировал:

– Вы это всем говорите?

– Угадал! Абсолютно всем. Только слова местами меняю и карты.

– Это же шарлатанство?

– Нет. Это была первая попытка пробиться к тебе через веру в счастливое будущее. Сейчас идёт вторая – через подключение всего твоего внимания к происходящему. А скоро, когда будешь готов, ты узнаешь главное.

У меня немного закружилась голова. Ощущение похоже на то, что испытываешь, гуляя на краю пропасти.

Еслинепросто сдвинула карты рукой и сказала:

– Ты спокоен. Спокойствие омрачает тебя. Тебя тянет на край пропасти. Ты рвёшься на него, чтобы получить то, чего нет в твоей жизни. Тебе нужны яркие эмоции, ощущения, которые возникают на пределе, на последней черте. Ты должен постоянно что-то себе доказывать, иначе ты не чувствуешь, что живёшь. Но судьба твоя бережёт тебя, потому что у тебя есть предназначение, которого ты ещё не понял. Я сказала правду?

– К сожалению. Да.

– Ты пришёл сюда, чтобы узнать о своём предназначении?

– Возможно, – мои ответы были односложными. Похоже, я находился в состоянии лёгкого транса, а может быть, и не лёгкого.

– Ты можешь узнать о нём от меня, а можешь найти сам. И то, и другое допустимо, но по-разному отразится на завтрашнем дне. Твой выбор?

– Говорите.

– Ты сделал выбор. Через десять лет ты станешь знаменитым писателем. Ты создашь целое пространство вокруг себя, ты создашь свой мир. Это твой путь, даже если сейчас он кажется тебе чем-то фантастическим. Край пропасти находится в тебе. Это ты должен понять. Больше я ничего не скажу.

Еслинепросто начала складывать карты в колоду...

Очнулся я уже на набережной умиротворения. Очнулся, огляделся, заметил рядом с собой Мнебынеперечитьтебе и спросил её:

– Как мы здесь очутились?

– Мы здесь гуляем! – она улыбнулась. – Как ты себя чувствуешь?

– Я себя не чувствую, – фраза сама вырвалась из меня и описывала моё состояние исключительно верно.

Минут пятнадцать, как мне показалось, а на самом деле больше часа мы бродили по набережной умиротворения. Всё это время я прокручивал в памяти сказанное гадалкой, примеривал на себя. О чём-то думал. И было совсем не важно о чём, потому что я этого не помню. Помню только состоявшийся сразу после размышлений ни о чём разговор со своей женой. Я начал его первый:

– Бред всё это!

– Я знаю.

– Чушь полная!

– Точно.

– Абсурд!

– Именно.

– Что ты мне всё поддакиваешь?

– Потому что ты прав.

– Ты действительно согласна, что я прав?

– Конечно. Всё это чушь, бред, абсурд, но сегодня. А когда ты согласишься в сказанное, всё будет иначе. Важно, чтобы это произошло как можно быстрее.

– Да кто вы такие? Что у вас за семейка такая?

– Наша фамилия Больше. Да, и твоя Нименьше.

– Давай разберёмся!

– Не здесь!

Она была права, разбираться с чем-то или с кем-то, но в том числе и с самим собой на набережной умиротворения не стоило. Это я сейчас понимаю. А тогда я очень обиделся на Мнебынеперечитьтебе. Обиделся просто так. Обиделся так, как обижаются только дети на родителей и влюблённые – друг на друга. Всю дорогу до нашего дома я не проронил ни слова, ни звука.

На этом история о том, как я ходил к гадалке, начинается. Да, я не ошибся. Начинается. Заканчиваться может только то, что не оставляет в нас никакого следа. А события, которые прошли, но повлияли или повлияют на будущее, всегда только начинаются. Не правда ли?

История пятая

О том, как проходила моя первая пресс-конференция

Рассказ об этой пресс-конференции нарушает общую хронологию всей книги, но располагается он в нужном месте. Просто-таки в необходимом месте для понимания чего-то важного из того, что произойдёт в книге позже, а в жизни произошло раньше. А именно: эта пресс-конференция произошла так, как я её себе представлял в начале своего творческого пути. Или нет. Она произошла так потому, что я её так себе представлял. Или... опять нет. Всё дальнейшее происходило именно так, потому что однажды я представил себе, как будет проходить моя первая пресс-конференция. Это так же правильно, как и два предыдущих описания важности этого события. Тем более что она действительно произошла именно так.

Моя первая пресс-конференция проходила при закрытых дверях. Осень, ветер, холодно. Двери решено было закрыть, чтобы не простудить собравшихся в зале журналистов, телеоператоров, фотографов, других присутствующих и меня. Хотя я и появился чуть позднее, чем были закрыты двери.

Моё появление вызвало бурные аплодисменты. Наверное, стоит описать, как я выглядел. Отмечу только самое главное: я надел галстук. Красивый, который жена подарила мне на какой-то праздник, по-моему, на день всего выдающегося. Я откланялся и сел за стол на сцене. Пододвинул к себе микрофон, сказал:

– Доброе утро! Несмотря на столь поздний для пресс-конференции час, очень рад встрече со всеми. Давайте сразу начнём забрасывать меня вопросами.

Я опушу в этой истории скучные подробности, связанные с тем, кто вставал, как выглядел, кем назывался, потому что этого не представлял себе – раз, этого не помню – два. Помню, что всё это было однообразно, примерно так:

– Какойто Никакойто, редакция журнала «Чтослучилосьтоинаписали».

Или так:

– Ктото Простосупер, редакция телепрограммы «Покажемиточегонембыло».

Перейду к вопросам, которые мне задавали и на которые я отвечал.

Это не всегда одно и то же. Это все знают и понимают, но не говорят об этом. Я же этого несколько не смущался никогда, о чём открыто, но при закрытых дверях написал сейчас. Первый вопрос прозвучал так:

– Скажите, как получилось, что вы решили стать писателем?

– Я решил, что у меня это получится. И вот мы здесь, потому что здесь собрались.

Далее примерно в таком порядке звучали следующие вопросы и ответы:

– Вы не скрываете, что на самом деле вы Нибольше Нименьше, но работаете под псевдонимом Джон Иванов. Расскажите, пожалуйста, почему вы взяли этот псевдоним и зачем?

– Пожалуйста. Этот псевдоним родился вместе со мной как с писателем в день нашей первой встречи с главным редактором издательства «Всёгениальноепросто». Кстати, вы знаете, оно первоначально называлось «Простовсёгениальное», но затем было переименовано по решению учредителя. Я объясняю это во избежание недоразумений с двойственностью наименования издательства, а не ради его скрытой рекламы. «Всёгениальноепросто» и «Простовсёгениальное» – это одно и то же издательство, с которым я работаю уже много лет. Так вот, главный редактор издательства «Всёгениальноепросто» предположила, что вряд ли кто-то заинтересует автор Нибольше Нименьше, и предложила взять псевдоним. У меня был небогатый выбор. Всего три имени: Джон, Хосе, Иван. И всего три фамилии: Скотт, Мартинос, Иванов. Я рассуждал логично, но ассоциативно. Фамилия Скотт показалась мне неблагозвуч-

ной для нашего языка. Фамилия Мартинос мне напомнила мартини, а я предпочитаю водку, поэтому фамилию эту отбросил сразу. Фамилия Иванов хоть и была несколько банальной, но всё-таки от неё веяло чем-то родным для нашего климата. Относительно имени... Выбрав фамилию Иванов, глупо было выбирать имя Иван. Это очевидно. Имя Хосе меня не устроило по своему радикальному звучанию. Стало быть, я остановился на Джоне. Вот так и возник мой псевдоним. Нибольше Нименьше стал Джоном Ивановым. Любопытно, что вторая страна, где я популярен, это Болгария. Но там, к сожалению, произносят мою фамилию с ударением на другой слог.

Я сделал глоток воды, о чём упоминаю в этой истории последний раз, потому что пил воду после каждого ответа. Во рту пересыхало постоянно. Волнение, знаете ли.

– Скажите, кто оказал наиболее сильное влияние на ваше творчество?

– Несомненно, это моя жена. И только она.

– Говорят, вам нагадали успех на писательском поприще?

– Говорят про меня многое. И то, что было на самом деле, и то, чего не было. Я не верю гадалкам. Вот мой ответ. К писательству я пришёл сам. Это мой выбор.

– Чем вы занимались до того, как стали писателем?

– Я продавал успех и уверенность. Вы хотите знать, как выглядит успех? У него четыре колеса, руль и кожаный салон. Да. Я был продавцом автомобилей класса люкс. Успешным продавцом. Потому что, как я и сказал, продавал не автомобили, а успех на колёсах. Но мне пришлось уйти с этой работы, когда я не смог совмещать продажи с написанием книг. Меня долго не хотели отпускать, но я не видел для себя иного будущего, кроме как того, что уже наступило.

– Откуда возникла идея вашего первого опубликованного романа «Весь этот бред»?

– Спасибо за вопрос. Он для меня очень интересен. Сначала роман задумывался, как нон-фикшн и на этапе непосредственной работы над ним назывался «Жизнь как она есть». Я описывал те события, которые постоянно наблюдал в жизни, ничего не приукрашивая. А в конце работы над романом просто изменил название. Мне кажется, я сделал правильно. Книга приобрела совершенно иное настроение.

– Сколько произведений вы написали в своей жизни?

– Школьные сочинения не считаю (смех в зале). На сегодняшний момент я написал сто тридцать семь рассказов, тринадцать целых семь десятых повести и целых девять и девятнадцать десятых романа. Стоп! Или восемнадцать десятых? Нет, всё правильно. Один готов на ноль пять и два по ноль семь.

– Как вам удаётся работать над несколькими произведениями сразу?

– На этот вопрос у меня заготовлено два варианта ответа. Первый – это легко. В них же разные персонажи. Второй – это невыносимо. Ничего не получается в принципе. И оба эти ответа – чистая правда. Поэтому выбирайте любой из них для своих статей и репортажей. Я не обижусь.

– Расскажите, как вы работали над нашумевшей повестью «Весь этот шум».

– Идея пришла из воздуха. Но не из воздуха нашего города. Жена в то время увезла меня на озеро вдохновения. Озеро оказалось вполне обыкновенным. Вода как вода, абсолютно пресная. Но над этим озером потрясающий воздух. Идей в нём витает столько, что это невозможно себе вообразить, но можно попытаться представить. Тысячи разных запахов, десятки тысяч образов и миллионы звуков. Звуки, они окружают повсюду. Они слышатся голосами разных героев. Выбирай то, что нужно, используй. Я взял всё, что мог. Получилась повесть «Весь этот шум».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.